

МИХАИЛ ЭСКИНДАРОВ: «ОБРАЗОВАНИЕ — ЭТО ТО, ЧТО СПАСЁТ РОССИЮ»

Ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации Михаил Абдурахманович Эскиндаров в своём интервью журналу «Ректор вуза» рассказал о том, какие преобразования сейчас происходят в университете, какова их цель и чего ждать в будущем.

— Михаил Абдурахманович, какой главный урок вы извлекли из коронавирусной ситуации?

— Есть положительные моменты и отрицательные. Положительные заключаются в том, что все мы, наконец, познали, что такое дистанционное обучение.

Недавно мы создали институт онлайн-образования, где обучаются около полутора тысячи человек, и были сомнения в целесообразности. Но теперь мы поневоле все убедились, что для тех людей, которые сознательно избрали дистанционное обучение как форму образования, это вполне нормально. И в дальнейшем мы будем использовать инструменты дистанционного обучения в нашей работе.

Второй положительный момент состоит в том, что мы убедились, как необходимо для людей общение. Нет такого богатства, которым можно было бы заменить радость человеческого общения. Ведь на самом деле важны не только знания, которые получает студент в университете, но и дружеские связи, которые

возникают в студенческие годы. Обмен знаниями, опытом между преподавателем и студентом — это важнейшая составная часть образовательного процесса. Но и воспитательная функция университета очень важна. Мы никогда не отказывались от неё, в отличие от многих университетов, которые считали, что это не дело вуза: заниматься воспитанием. У нас проводится огромное количество различных мероприятий, работают кружки, клубы, где студенты общаются в свободное от учёбы время. И мы считаем, что человек, имеющий знания, но не прошедший школу воспитания, может принести большой вред обществу.

Что касается отрицательных моментов, они касаются того, что не все преподаватели были готовы к тому, чтобы использовать дистанционную форму обучения. Причины — может быть, возраст, неготовность к таким переменам. Также оказалось, что не все инструменты, которые использовались при дистанционном обучении, эффективны. Кто-то использовал Skype, кто-то — WhatsApp, кто-то ещё что-то, но надо признать, что в течение недели, в том числе, с помощью студентов-волонтёров, мы помогли преподавателям найти именно те инструменты, которые позволили им в дальнейшем работать эффективно.

Ещё один минус в том, что студенты, которые живут в отдалённых регионах, зачастую испытывали серьёзные проблемы с подключением к интернету.

Многие иностранные студенты, оказавшиеся за рубежом, особенно китайские и вьетнамские, не смогли оперативно подключиться к образовательному процессу.

И ещё. Дистанционное обучение, как правило, строится на том, что лекции и иные формы образовательного процесса записываются заранее, и студент может их прослушать в любое время. Для этого нужно зайти на соответствующий образовательный портал университета, послушать лекцию, через чат задать преподавателю вопросы, получить ответы, проконсультироваться — это настоящее дистанционное обучение. А то, что мы делали — это использование инструментов дистанционного обучения для реализации образовательного процесса. Мы просто перевели все занятия, которые должны идти по расписанию, в онлайн-формат. Если студент пропустил занятия, идущие по расписанию в формате онлайн, то он не мог потом ознакомиться с материалом.

Был ещё ряд отрицательных моментов. Например, нам пришлось проводить текущие и государственные экзамены в дистанционной форме. При этом не всегда хорошо работал так называемый прокторинг. Мы использовали его и при вступительных экзаменах в наш лицей — и несколько раз вынуждены были заново проводить испытания из-за сбоя прокторинга. Мы убедились, что те программы прокторинга, которые сегодня есть, пока малоэффективны. В связи с такими проблемами мы были вынуждены вместо двух государственных испытаний проводить только один — в виде защиты дипломных работ. С одной стороны, мы помогли студентам, сняли стресс, связанный с госэкзаменом в условиях пандемии. Но понятно, что защитить написанную дипломную работу значительно легче, чем сдать устный экзамен. Количество выпускников, получивших отличные оценки, увеличилось по сравнению с прошлым годом почти на 35%. Соответственно, количество выпускников, получивших дипломы с отличием, тоже возросло.

Для себя я подвожу такой итог: дистанционные формы обучения могут применяться для части дисциплин, какие-то разделы учебного плана можно реализовать дистанционно, но то, что в ближайшее время личное общение не заменит никакая удалённая программа — это сто процентов.

— **Вы проводили исследование мнений студентов и педагогов в период пандемии? Как они оценивают переход на дистанционное обучение?**

— Да, такие исследования проводили две группы: Департамент психологии и развития человеческого капитала и Департамент социологии. Были даны разные оценки, но в целом они сводились к тому, что 65% студентов и около 70% педагогов испытывали проблемы при переходе на дистанционное обучение. Тридцать процентов педагогов были довольны, но это как раз те люди, которые работали в Институте онлайн-образования или прошли ранее повышение квалификации. Мы сформировали Институт онлайн-образования в конце 2019 г. и как раз за 2–3 месяца до пандемии преподаватели этого подразделения проходили курсы повышения квалификации и были морально готовы к переходу на дистанционное обучение.

...Дистанционные формы обучения могут применяться для части дисциплин, какие-то разделы учебного плана можно реализовать дистанционно, но то, что в ближайшее время личное общение не заменит никакая удалённая программа — это сто процентов...

— **Как, на ваш взгляд, повлияло дистанционное обучение на качество образования?**

— Формально, судя по оценкам на экзаменах, на качестве знаний это не отразилось. Я уже говорил, что количество отличных оценок на госэкзаменах выросло на 35%. Хорошо это или плохо, узнаем позже. Но осенью, когда студенты вернутся в аудитории, мы будем проверять, как студенты младших курсов усвоили знания в период пандемии.

— **Тем не менее мы сейчас живём в новой реальности, и пандемия показала, что многие могут вполне успешно работать в удалённом режиме — и даже более эффективно. Некоторые вузы прислушались к рекомендациям премьер-министра и мэра Москвы и перевели часть своих**

сотрудников на удалённый режим работы. Вы одобряете подобную практику?

— В период пандемии все, включая преподавателей, за исключением сотрудников, обеспечивавших непрерывную жизнедеятельность вуза, находились на удалёнке. В каких-то направлениях деятельности такая форма работы не сказалась на качестве, и, допуская, что этот опыт может быть полезным и перспективным.

...Осенью, когда студенты вернутся в аудитории, мы будем проверять, как студенты младших курсов усвоили знания в период пандемии...

Что касается учебного процесса — тут более серьёзные проблемы. Некоторые вузы и ранее предлагали перевести все лекции на дистанционную форму. Наш университет возражал, особенно против того, чтобы студенты всех высших учебных заведений обучались на платформах отдельных вузов и даже на базе общих образовательных платформ. Такого рода платформы можно и нужно использовать как дополнительные источники знаний, а не как замену действующих преподавателей. Хочу ещё раз подчеркнуть, что вуз не просто ведёт образовательный процесс — вуз несёт важную социальную задачу. Может быть, университеты — единственный социальный институт, который существует стабильно более тысячелетия. Роль университетов претерпевала изменения, менялись задачи и функции, но кардинальных изменений в сущности, не было и, думаю, не будет. Люди хотят общаться, видеть друг друга, они не могут довольствоваться получением неких компетенций и знаний. Люди хотят приобретать друзей, перенимать опыт друг у друга.

Конечно, есть люди, которые не могут и не хотят получать знания офлайн, посещать занятия. Для этой категории граждан как раз успешной будет форма заочного или дистанционного обучения. А требовать, чтобы все вузы перешли на дистанционный режим — это, по крайней мере, неприемлемо для России, с нашим общественным менталитетом.

Другое дело, если удалённый режим касается не обучения, а работы сопутствующих служб. Конечно, дистанционно могут работать многие подразделения, что было доказано за три месяца самоизоляции. Например, часть бухгалтерии, планового и финансового управления, часть методистов, редакции научных журналов — те подразделения, которые непосредственно не работают со студентами. На самом деле не так важно, где они трудятся, лишь бы вовремя и качественно выполняли свои обязанности. В предыдущий период я был против такой формы работы, но пандемия заставила по-другому посмотреть на проблему.

Вполне допускаю, что мы будем активно использовать дистанционную форму работы по разным причинам, в том числе, с целью экономии средств. Многие организации России оставили большую часть своих сотрудников на удалённой работе, например, в Центральном банке многие до сих пор работают в дистанционной форме. Недавно я общался с руководителем одного из крупнейших банков, который сказал, что на работе сегодня находятся примерно 15% сотрудников, остальные работают дистанционно. Но в то же время, работать дома — это не так-то просто, особенно тем, у кого для этого нет условий. Некоторым нашим преподавателям тоже было сложно из-за стеснённых условий, и как рассказывал один из них, приходилось выходить на улицу или на балкон, чтобы вести занятия. Некоторым мы пошли навстречу и разрешили вести занятия из университета при соблюдении всех правил безопасности.

— А как коронавирус затронул Финансовый университет? Многие заболели?

— Слава богу, что все живы. Это уже хорошо. Около 10 преподавателей и сотрудников и более 20 студентов переболели коронавирусом. После выхода из карантина Университет предоставил возможность сдать анализы бесплатно на антитела. Тестирование прошли 200 человек, из которых пять оказались в зоне риска, у двоих вирус впоследствии подтвердился. На сегодняшний день (08.07.2020 г.) у нас официально признаны больными коронавирусом 6 человек, несколько человек, имевших контакт с ними, находятся на карантине.

— **Сейчас наступает пора приёмной кампании. Как университет подготовился к этому важному событию?**

— Это, конечно, сложно и для университета, и для абитуриентов, и для родителей. Абитуриенты лишились возможности лично пообщаться с членами приёмной комиссии, получить дополнительные консультации. Несмотря на существующие проблемы этого года, университет проводил онлайн Дни открытых дверей, но людям этого мало — они хотят личного общения.

Сложно и нам, потому что мы не видим нашего абитуриента, не ощущаем его. Документы принимаем с 20 июня дистанционно на сайте, по почте и через портал Минобрнауки. На сегодняшний день более 1300 абитуриентов сдали документы и ожидаем конкурс на уровне прошлых лет — 9–10 человек на одно бюджетное место. По результатам ЕГЭ мы составим рейтинг абитуриентов — и они уже будут знать, смогут ли учиться в нашем университете, либо нужно переслать документы в другой вуз.

— **Сейчас уже можно сделать какой-то прогноз результатов приёма?**

— Это очень трудно. ЕГЭ ещё не начинали, как выпускники школ учились в этом году — непонятно, потому что им тоже пришлось переходить на удалённый режим. Многие ребята кроме занятий в школе пользовались услугами репетиторов, удалось ли это сделать всем желающим?

Я ожидаю, что средний балл ЕГЭ среди абитуриентов будет ниже как в целом по России, так и по нашему университету. В прошлом году у нас было в среднем 86 баллов, хорошо, если в этом году будет 84.

У нас ещё некоторые выпускники колледжа будут сдавать экзамены — это около тысячи человек. Есть и те, кто закачивали школу за рубежом, кто не могли сдать ЕГЭ — для них тоже будут проводиться специальные экзамены в режиме онлайн. Надеюсь, что к этому моменту мы наладим систему прокторинга.

— **Удаётся ли вам сохранять финансовую устойчивость университета в условиях пандемии?**

— Определённые сложности есть. Недополученные доходы университета состави-

ли около 700 млн рублей. Это очень большая сумма. Мы вынуждены сократить расходы, за исключением зарплаты и социальных выплат. Финансовые потери связаны с отказом от индексации стоимости обучения, денег за проживание студентов в общежитиях. Мы недополучим средства от дополнительного образования, которое сейчас оказалось свёрнутым. Недополучим на научных исследованиях, недополучим средства из-за сокращения количества иностранцев, которые не приедут на обучение по той простой причине, что границы закрыты. Есть ещё и другие потери.

Мы ожидали, что образование будет включено в перечень отраслей, которые сильно пострадали от коронавируса, и нам будет оказана поддержка. Но, к сожалению, этого не произошло. Пока мы ещё никакой финансовой поддержки не получали, хотя обращались в правительство за помощью. Ряд ректоров выступили на заседании Совета ректоров с участием Голиковой Т.А. и Фалькова В.Н. с этой просьбой о поддержке, но окончательного решения пока нет. Хотя я думаю, что в первую очередь, помощь будет оказана вузам, у которых более бедственное положение. У нас есть определённая подушка безопасности, иначе мы бы не были финансовым университетом, но это не значит, что мы не нуждаемся в этих деньгах. 700 млн рублей — это очень серьёзная сумма.

...Дистанционно могут работать многие подразделения, что было доказано за три месяца самоизоляции. Например, часть бухгалтерии, планового и финансового управления, часть методистов, редакции научных журналов — те подразделения, которые непосредственно не работают со студентами...

— **Принимаете ли вы участие в Программе трудоустройства студентов?**

— С трудоустройством наших выпускников я пока проблем не вижу. По востребо-

ванности выпускников и по средней зарплате мы в составе пяти ведущих вузов России (только что SuperJob опубликовал эти данные). Тем выпускникам, у которых возникнут проблемы, помощь окажет Управление содействия трудоустройству. Университет даже в условиях пандемии проводил в апреле День карьеры, в котором участвовали около 30 министерств и ведомств, различных коммерческих структур, принимали онлайн-участие около 2,5 тыс. студентов. Я очень надеюсь, что проблем с трудоустройством у выпускников не будет. Примерно 85% всех выпускников Финансового университета остаются в Москве. С одной стороны, это, конечно, приятно. Но, с другой стороны, это означает, что наиболее талантливые люди уезжают из регионов. Это касается не только нашего университета. Абсолютное большинство выпускников ведущих московских вузов остаются в столице — и находят работу.

...Я ожидаю, что средний балл ЕГЭ среди абитуриентов будет ниже как в целом по России, так и по нашему университету. В прошлом году у нас было в среднем 86 баллов, хорошо, если в этом году будет 84...

А что касается студентов, работающих во время учёбы, я к этой категории отношусь не очень хорошо. Студенты должны учиться. Те, кто хотят одновременно и учиться, и работать — и то, и другое делают плохо. Они недополучают знаний. Я глубоко убеждён, что первые три года студенты должны учиться, учиться и ещё раз учиться. Восьмой, последний семестр бакалавриата, полностью посвящён практике и написанию выпускных квалификационных работ — вот время приобретения опыта работы, на нехватку которого при трудоустройстве ссылаются некоторые выпускники и работодатели. Вот в магистратуре — пожалуйста, пусть все учатся и работают. Мы составляем расписание таким образом, чтобы магистры могли сочетать работу и учёбу.

Но вместо учёбы разрешать работать — я категорически против этого. В конце концов, если нет возможности учиться на дневном отделении, университет предоставляет возможность приобрести знания очно-заочно, заочно, дистанционно.

Поезжайте в китайские университеты, в другие университеты, где качество образования на высоте, те же финские, с которыми нас любят сравнивать. Там студентам запрещено работать, все учатся. Зайдите в китайскую университетскую библиотеку — там сесть негде, они круглосуточно работают. Поэтому не удивительно видеть достижения китайских университетов. А в нашей стране почему-то законодатель счёл возможным разрешить студентам одновременно учиться очно и работать. Студенты должны получить хорошие базовые знания, чтобы потом не падали самолёты и не взрывались на старте ракеты, поезда не сходили с рельсов из-за непрофессионализма сотрудников — вчерашних недоучившихся студентов. К образованию нельзя относиться как к некому лёгкому процессу. Это такая же тяжёлая работа, как, например, производство автомобилей и самолётов. Поэтому я категорически возражаю против того, чтобы студент работал. Только не следует меня обвинять в ханжестве: я и сам работал с первого курса, в том числе на черновой работе, разгружали вагоны, делали иную тяжёлую работу мои бывшие студенты, ставшие первыми лицами в государстве, олигархами и просто хорошими специалистами.

— А как же требование работодателей об обязательном опыте работы?

— Я выступал на заседании Ассоциации российских банков несколько лет назад и говорил: «Коллеги, зачем вам выпускник с опытом работы? Вам нужен сотрудник, обладающий знаниями. Опыт приобретается быстро. Через год он будет у вас многоопытным. А требуя от молодого специалиста опыт работы, вы получаете работника и без большого опыта, и без знаний. Нельзя одновременно сделать и то, и другое».

Недавно в ректорате мы обсуждали проект учебных планов и приняли окончательное решение: восьмой семестр — это целых

полгода — будет посвящён исключительно практике и написанию дипломной работы. Полгода хватит для того, чтобы получить этот опыт.

— **Михаил Абдурахманович, сейчас в Финансовом университете идёт масштабная реорганизация. Каковы её цели и задачи?**

— Да, у нас проходит колоссальная реорганизация. Из 17 факультетов создаётся 8. Меняется полностью идеология работы университета: деканаты будут полностью отвечать за организацию учебного процесса, научные исследования, кадровую работу, работу по взаимодействию с работодателями, партнёрами. На некоторых факультетах и в департаментах будут работать практикующие специалисты. Например, деканом финансового факультета является министр финансов Российской Федерации А. Г. Силуанов, доктор экономических наук. Факультет международных экономических отношений возглавляет М. Ю. Алексеев — наш выпускник, доктор экономических наук, председатель правления «ЮниКредит Банка». На факультете «Высшая школа управления» деканом является генеральный директор АО «Гознак» А. В. Трачук, доктор экономических наук, профессор. Кафедры возглавляют заместители руководителя Казначейства, доктор экономических наук С. Е. Прокофьев и доктор экономических наук Э. А. Исаев. А председатель комитета Госдумы А. Г. Аксаков руководит кафедрой стратегического планирования и регулирования. Это практикующие специалисты, через которых мы надеемся привлечь к процессу обучения практиков, чтобы студенты слушали не только теорию, но и знакомились с практической стороной будущей специальности.

— **Вы сказали, что из 17 факультетов остаётся 8. Это укрупнение или сокращение?**

— Укрупнение. Например, факультет международных экономических отношений объединил все программы, связанные с международными отношениями. Факультет финансов объединил все финансовые направления подготовки в широком смысле: банковское дело, финансовые рынки, страхование и т. д. На факультете экономики и бизнеса объединилось

всё, что связано с реальным сектором экономики, услугами и т. д.

...Я глубоко убеждён, что первые три года студенты должны учиться, учиться и ещё раз учиться. Восьмой, последний семестр бакалавриата, полностью посвящён практике и написанию выпускных квалификационных работ — вот время приобретения опыта работы, на нехватку которого при трудоустройстве ссылаются некоторые выпускники и работодатели...

Сейчас мы переходим на систему подготовки 2+2. Это означает, что первые 2 года студенты одного направления подготовки, например, экономики, будут учиться по одному учебному плану независимо от факультета, где данная программа реализуется. После 2 курса у студентов появится возможность перейти с факультета на факультет, с программы на программу, но при наличии аудиторного фонда и ряда других ограничений.

Главная цель реорганизации университета — усилить связь науки с практикой, факультетов с работодателями. На факультетах создаются академические советы, куда будут входить представители работодателей, выпускников. Раньше вся эта работа шла через ректорат, который брал на себя ответственность за сотрудничество с партнёрами. С 1 июля эта ответственность лежит на факультетах.

— **Многие преподаватели жалуются на излишнюю бюрократизацию, необходимость постоянно составлять отчёты. Как вы намерены с этим бороться?**

— Я тоже жалею. Но со следующего учебного года многое изменится. Это касается и отчётности преподавателей. Во-первых, мы переходим на электронную форму отчётности, и преподавателю не надо будет больше ничего писать. В своём электронном рабочем кабинете он может работать, может не работать — это его проблемы. Сейчас у нас уже нет учебного отдела, который бы требо-

вал отчитываться об учебной нагрузке. Будет действовать так называемый «студенческий офис» (это рабочее название), который будет заниматься расписанием, нагрузкой преподавателей, техническими вопросами, выдачей справок, отчётов и т.д. Основная задача преподавателя — давать качественное образование. Вторая задача преподавателя — научные исследования и публикации. В последнее время, в связи с тем, что наукометрические показатели стали играть колоссальную роль, мы тоже требуем от преподавателей выполнения требования по публикациям. От преподавателей, у которых годовая учебная нагрузка составляет 650–700 часов, и половина из них аудиторная, если не больше, мы вынуждены требовать, чтобы они печатались в мировых изданиях также, как профессора большинства зарубежных вузов, чья нагрузка составляет в год в худшем случае 200 часов. В результате, об этом мне стыдно говорить, но «на каждого мудреца довольно простоты». Многие стали печататься во второсортных «мусорных» журналах, «прославляя» себя и университет. Сегодня по количеству статей в зарубежных изданиях мы входим в число передовых, но это достижение меня не радует. Кому была нужна эта гонка за количеством? Перешло ли количество в качество? Есть большие сомнения. Но сегодня такая истина и мы следуем за ней. Возвращаясь к отчетности.

...Главная цель реорганизации университета — усилить связь науки с практикой, факультетов с работодателями. На факультетах создаются академические советы, куда будут входить представители работодателей, выпускников...

В эти дни в университете завершается внедрение новой системы контроля, которая в автоматическом режиме будет формировать портфолио преподавателя. В следующем году, если кто-то из наших преподавателей пожалуется на засилье отчётов, я съем шляпу. Или уволю того, кто будет требовать это излишество.

— Министр Фальков В.Н. недавно анонсировал «Программу стратегического академического лидерства», в которую уже осенью будут отобраны 120 вузов. Вы будете участвовать в конкурсном отборе? За какой статус вы бы хотели побороться и как оцениваете потенциал этой программы?

— Обязательно будем участвовать. Мы сейчас активно готовим свою новую программу развития, чтобы представить её на суд комиссии конкурса и надеемся её защитить. Сейчас, как я понимаю, пока нет полной ясности, на какие категории будут делиться вузы России. Министерство науки и высшего образования глубоко изучает этот вопрос, Союз ректоров собирает информацию, у нас есть своя точка зрения на этот счёт.

Я, например, никогда не понимал, что такое «национальный исследовательский университет». Есть национальные университеты, я с этим могу согласиться, есть региональные, выполняющие определённые программы развития регионов. Есть вузы, решающие конкретные задачи отрасли: медицины, культуры, педагогики и т.д. Но нельзя сравнивать, например, показатели педагогического университета и технического. Почему в одну упряжку мы пытаемся «впрячь коня и трепетную лань»?

Конечно, будут в выигрыше классические и технические университеты, потому что у них доходы от науки значительно больше. Но при этом задачи, которые стоят перед педагогическими университетами, не менее важные, чем перед техническими вузами. Туда приходят выпускники школ, где работают педагоги, от эрудиции и способностей которых зависит качество будущего студента. Поэтому по формальным параметрам определять статус исследовательского университета, игнорируя социальную значимость вуза, мне кажется, не совсем правильным. В рейтингах, например, Forbes, RAEX, Интерфакс, Эксперт RU и т.д., мы опережаем многие вузы, имеющие статус национальных исследовательских университетов.

Также критично я относился и к Проекту 5-100. Почему мы обязательно должны с кем-то соревноваться? У нас другие цели.

А мы всё время пытаемся быть, как Америка. Кто-то решил, что университеты должны быть научными исследовательскими центрами. Тогда давайте будем менять всю образовательную траекторию. Например, в тех же англосаксонских университетах учебная нагрузка на преподавателя составляет 10–12 часов в неделю. А у нас — 24–27 часов. Соответственно нагрузка преподавателя западного университета — от силы 200 аудиторных часов в год. И у абсолютного большинства преподавателей, особенно известных, фонд научных исследований, и достаточно большой, которым он распоряжается, в известной степени, самостоятельно. Условием ставится необходимость привлечения к работе студентов и аспирантов и результатом должна быть монография (учебник), статьи, участие в международной конференции.

А от нашего преподавателя, аудиторная нагрузка которого, напоминая, достигает 700 часов в год, мы требуем, качественного преподавания и публикации не менее 3–4 статей в зарубежных изданиях, и ещё чтобы зарабатывал на исследования сам, заключал контракты в пользу вуза. Зарубежному профессору выделяют деньги для того, чтобы он участвовал в международных конференциях, и они с удовольствием приезжают в Россию на семинары и научные конференции, дабы освоить деньги, чтобы в следующем году не сократили финансирование. А наш несчастный профессор должен выпросить у руководства немного денег, чтобы он смог съездить на международную конференцию. Чувствуете разницу? Ко всем бедам, один известный министр высшего образования и науки в недавнем прошлом, извините, «подложил свинью» под развитие высшего образования, потребовав привести соотношение преподаватель-студент к 1:12. Если у ведущих вузов это соотношение было 4:1 (МГУ, СПбГУ, ВШЭ), 5:1, как у нас, например, то после этого решения мы все сравнялись в беде. Сэкономив несколько сот миллионов рублей, мы резко увеличили нагрузку преподавателей, при этом повысив требования по публикациям, в том числе и в международных изданиях.

Нельзя пытаться одним махом всё поменять. Чтобы наши университеты стали научными ис-

следовательскими центрами, у них должны быть соответствующие бюджеты, сравнимые с ведущими зарубежными вузами.

Недавно Фальков В.Н., выступая на общем собрании Академии наук, сказал, что мы слишком много внимания уделяем наукометрическим измерениям, и что не это должно быть основной задачей вузовской науки и Академии, что мы должны решать задачи национальных интересов. Абсолютно с этим согласен.

...В рейтингах, например, Forbes, RAEX, Интерфакс, Эксперт RU и т.д., мы опережаем многие вузы, имеющие статус национальных исследовательских университетов...

У нас было создано восемь федеральных университетов. Выполнили они задачу, которую перед ними ставили? Стали они центрами науки, образования, социального развития? Я считаю, что нет.

Градация университетов, конечно, должна быть. В советское время 33 университета подчинялись союзному министерству образования, а остальные были республиканскими. Примерно столько же или чуть больше должно быть национальных университетов. Должны быть также национальные региональные университеты, которые выполняют задачи социального развития регионов.

Это примерные размышления, но думаю, что общими усилиями представителей вузовского сообщества, Министерства науки и высшего образования, аппарата правительства решение будет найдено.

Лично я считаю, что время национальных исследовательских, федеральных университетов и Проекта 5-100 уже прошло. Нужны новые критерии, новые программы, новые требования.

В целом «Программа стратегического академического лидерства» направлена на развитие российского образования, у которого есть хорошие перспективы. У нас есть школа, талантливые преподаватели. Образование — это то, что спасёт Россию.